

ЛЕВ ГОЛУБЕВ-КАЧУРА

Оперативно- розыскной отдел

БОЕВИК-ДЕТЕКТИВ-БОЕВИК

Лев Голубев-Качура

**Оперативно-розыскной отдел.
Боевик-детектив-боевик**

«Издательские решения»

Голубев-Качура Л.

Оперативно-розыскной отдел. Боевик-детектив-боевик /
Л. Голубев-Качура — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-500654-7

Книга написана в советское время и отражает будни милиции, её борьбу с бандитизмом, за светлое будущее людей. Работники милиции в своей повседневной жизни такие же граждане, как и мы с вами — влюбляются, ссорятся...

ISBN 978-5-00-500654-7

© Голубев-Качура Л.
© Издательские решения

Содержание

Лев Голубев-Качура	6
ОПЕРАТИВНО-	7
Детектив	7
Смерть под куполом цирка	8
Предисловие	8
Глава первая	10
Глава вторая	13
Глава третья	17
Глава четвёртая	20
Глава пятая	25
Глава шестая	28
Глава седьмая	30
Глава восьмая	36
Апрель 1976 года	36
Новое дело	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Оперативно-розыскной отдел Боевик-детектив-боевик

Лев Голубев-Качура

© Лев Голубев-Качура, 2019

ISBN 978-5-0050-0654-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лев Голубев-Качура

ОПЕРАТИВНО- РОЗЫСКНОЙ ОТДЕЛ

Детектив

Об авторе.

Родился в городе Юрвец, Ивановской области. Образование высшее. Женат, имею двоих детей: сына, и сына. Увлекаюсь катерами и яхтами. Люблю посидеть на берегу реки или озера у ночного костра, и полюбоваться звёздным небом.

О книге.

В сборник вошли детективные рассказы, повествующие о нелёгких буднях работников милиции, их заботах и мечтах.

Время, жизнь и политический строй государства, в котором живут и работают эти люди, диктует те методы работы, которые более соответствуют этому времени.

Если идёшь работать в милицию не по принуждению, а по чувству долга, будь готов к бессонным ночам, отсутствию регулярных выходных дней и внеплановых вызовов.

Для работы в милиции необходимо обладать такими качествами, как: честность, бескорыстность, хорошая физическая подготовка, и быть всегда готовым прийти на выручку товарищам.

Автор

Смерть под куполом цирка

Предисловие

С другой стороны занавеса до слуха Люси доносился приглушённый гул множества голосов, стук откидных сидений. В него изредка вплетались – то детский смех, то сдерживаемое покашливание.

Она решила сквозь щель между занавесями оглядеть зал и арену – все места были заняты, и это очень порадовало её – аншлаг! Который день они выступают в этом городе, и всё аншлаг! Этот город принесёт нам удачу и выручку, подумала она. Можно надеяться на премиальные, а с ними и мне на новое платье.

Она перевела взгляд от трибун для зрителей на арену – униформисты заканчивали подготовку арены к общему, приветственному, выходу артистов.

Музыканты на галёрке настраивали свои инструменты – оттуда доносились: то мягкие звуки валторн, то неожиданно возникала какая-то мелодия скрипки, и вдруг её перебивала барабанная дробь. И всю эту какофонию звуков завершал удар в большой барабан.

Для Люси всё, что сейчас происходило вокруг, было «музыкой жизни», её жизни.

С малых лет она была окружена, и дышала воздухом цирка. Она купалась в нём наслаждаясь, и не могла представить себя вне цирка... Это была её жизнь.

Её родители, тоже работники цирка, но не артисты. Мать убирала в служебных помещениях, а отец делал то же самое, но в вольерах...

Ты что здесь делаешь? – раздался за спиной строгий голос. Тебе, что, не надо переодеться к выступлению? Марш отсюда!

Она сразу узнала строгий голос директора, а узнав, мысленно представила его нахмуренные брови. Но глаза... Его всегда выдавали глаза – добрые, и с искорками лёгкой усмешки внутри зрачков, когда смотрел на неё. Она знала, Константин Петрович относится к ней, как к своей дочери, и поэтому не боялась его.

А чего ей бояться-то, если она с младенческих лет чаще сидела у него на коленях, чем у родного отца. И это он, когда ей исполнилось четыре года, первым показал ей арену.

И эта круглая, тринадцатиметровая, посыпанная опилками площадка, навсегда вросла в её душу и жизнь.

Цирк – это была она сама!

– Дядя Костя, вы только послушайте как шумит зал! Сколько в нём народа! Дядя Костя, снова аншлаг! – радостно воскликнула она!

– Ты права Люсьен, в этом городе у нас, оказывается, много поклонников, и надо постараться чтобы мы не потеряли их, – отвечая, он погладил Люсю по плечу.

Ладно, девочка. беги переодеться, твой Вася уже приготовился к выступлению.

– Почему мой! – фыркнула она, но сердце при его имени радостно затрепетало в груди.

Ни дядя Костя, ни мои товарищи по манежу, никто-никто не знает ещё, что Василёк сегодня, во время репетиции, признался мне в любви, подумала она. И при мысли о любимом щёки её непроизвольно заалели.

И чтобы не выдать своих чувств, она, произнеся «Беги!», побежала в общую с девчонками гримёрную.

По привычке толкнув дверь, она, не останавливаясь, хотела войти, но дверь не открылась. Чего это девчонки заперлись, удивляясь подумала она? И застучала кулачком по двери. Но дверь не открылась.

Тогда она, прижав ухо к двери, прислушалась, но в гримёрной было тихо – ни один звук не донёлся до её слуха.

Вот безалаберные девчонки, возмутилась Люся, мне переодеться надо, а они заперли гримёрку! И продолжая возмущаться, побежала на поиски ключа.

Спрашивая у одной, второй, третьей, она везде получала отрицательный ответ – нет, она не запирает, зачем?

Люся, совсем расстроившись, побежала искать плотника. Пробегая мимо гримёрной, она нечаянно толкнула дверь, и «о чудо», дверь открылась.

Вот дурёха, воскликнула она, никто её не запирает, я наверное по рассеянности не в ту сторону повернула ручку. И ещё раз обозвав себя дурочкой, принялась переодеваться.

* * *

Люся и Вася, держась за руки, стояли перед вот-вот готовым распахнуться занавесом. А с другой его стороны: инспектор манежа – громко, растягивая слова, объявлял: «Выступают... лауреаты... конкурса... артистов... цирка – ...воздушная гимнастка, он усилил голос – Люсьен Казимилова., и... мастер спорта..., воздушный гимнаст... Василий Кузнецов.

На галёрке оркестр заиграл «выходной марш», и Василий с Люсей выбежали на середину арены.

Сегодня у них всё получалось славно. Упражнения, одно за другим, они выполняли под громкие овации зрителей.

Люся птицей перелетала с одной «перекладины» на другую, переворачивалась, изгибалась... Она успевала не только выполнять свои упражнения, но и постоянно, не теряя из виду, следить за напарником.

Они работали вдвоём! От их слаженности действий зависели: чистота исполнения упражнений и всего номера в целом.

Наконец зазвучала барабанная дробь, зал притих в ожидании какого-то сложного упражнения, иии...

Люся, накинув на тело три витка пёстрой ленты, бросилась вниз головой!

Это падение на арену вниз головой она не один раз демонстрировала зрителям раньше, и на репетициях тоже повторяла.

Зрители, вначале, затаив дыхание замирали, затем, на трибунах раздавалось общее «Ахх!», и всё перекрывала буря аплодисментов.

Это был её коронный номер!

Но сегодня что-то пошло не так – она, как и прежде на репетициях, и как прежде на выступлениях, напрягла тело, собралась, и... полетела...

Лента должна была скользить по телу, и зажимая её ногами, Люся регулировала скорость падения. Но почему-то лента не скользила. Попытки Люси задержать своё падение не удались.

Всё происходило за доли мгновения, и за те же доли мгновения она поняла – она разобьётся!

Она лишь успела произвольно вскрикнуть от страха, и услышать затаившуюся тишину на трибунах.

Затем боль во всём теле и холодный мрак поглотили её всю до конца...

Глава первая

Коллеги подъём, прозвучало со стороны резко открывшейся двери в кабинет! Труба зовёт на ратный подвиг! Быстро!

Вошёл начальник оперативно-розыскного отдела, майор Кулагин, и сразу направился к вешалке с верхней одеждой..

– На улице дождь пошёл, надевайте плащи, – продолжил он, и стал натягивать свой с капюшоном.

– Почему такая спешка? – уже поднимаясь, но чуть лениво, растягивая слова и немного заикаясь, поинтересовался сидевший за столом. капитан.

– В цирке ЧП, там упала с трапеции гимнастка.

– А мы с какого боку? – удивлённо поднял брови капитан. Пусть вызывают скорую помощь, и звонят в районное отделение.

– Там труп! – справившись с плащом, ответил майор.

– Беденькая, – беря кейс с инструментами, прошептала эксперт-криминалист,

– А она красивая? – поинтересовался стажёр Витенька.

– Голодной куме всё хлеб на уме! – насмешливо проговорил ещё один член группы, следователь Самохвалов.

– Да я же просто так, – пробормотал, оправдываясь, стажёр. Я для поддержания общего разговора.

– Хватит болтать! Выдвигаемся! – приказал майор, и первым покинул кабинет.

Остальные, словно цыплята за курицей, широко шагая потянулись за ним.

На улице их уже ожидал служебный микроавтобус. Двигатель его тихонько, словно сытый кот, урчал.

Трогай! – приказал майор, разместившись на переднем сидении.

– А как всё произошло, товарищ майор? – нарушил молчание стажёр.

Приедем на место, увидим, – ответил за майора следователь.

– Вечно ты поперёд бабки в пэкло лизэш, – охладил следовательский зуд стажёра капитан.

– Ник-Ник, так я ж.., – смутился Витюша.

– Не издевайтесь над мальчиком, – приструнила насмешников Надежда Константиновна. Он ещё до генерала дорастёт, и вам приказы будет отдавать.

У Витеньки от её слов лицо заполыхало огнём, и он насупившись от обиды, вздохнул:

Никто меня всерьёз не принимает, подумал он. Сами же рассказывали, как по молодости и неопытности ошибки делали... Тоже мне! Я им докажу, что тоже кое-чего стою. Вот возьму и раскрою преступление...

В салоне опять воцарилась тишина. Лишь только звук работающего двигателя нарушал её.

* * *

С возвышения входа в амфитеатр цирка взглядам прибывшей бригады оперативников открылась сказочная картина: освещённая десятком юпитеров арена представляла собой разноцветную драгоценную чашу, в середине которой лежала серебристая фигурка девушки.

Она лежала почти по центру, а вокруг неё стояли её товарищи, и о чём-то тихо переговаривались.

Они только что исполняли свои номера, развлекали зрителей, и были ещё в своих костюмах. Поэтому и казалась картина столь красочной, почти волшебной.

Работаем товарищи, сказал майор остановившимся позади него людям, и спустился на арену.

Разноцветное кольцо артистов немного раздвинулось освобождая проход к лежащей девушке, и пропустив группу, вновь сомкнулось.

Кулагин почти физически ощущал устремлённые на него и его людей взгляды. Они словно бы спрашивали, нет, почти требовали сиюминутного ответа: «Кто виноват?»

И он ответил, не кому-то одному, а всем сразу. Он громко, словно убеждая и обещая, стоявшим плотным кольцом артистам, сказал: «Мы разберёмся!»

Затем, склонившись к уже осматривавшим девушку эксперту и следователю, тихо спросил:

– Надежда Константиновна, каков ваш вердикт?

– Она сразу умерла.., не мучаясь. Бедная девочка, ей бы жить и жить, – грустно, с горькой ноткой в голосе, ответила эксперт.

– А вы как считаете? – обернулся он к Петру Степановичу.

– Обыкновенный несчастный случай. Девчонка оказалась слабоватой в коленках, ответил следователь.

Кулагин краем глаза уловил брошенный на следователя удивлённый взгляд Надежды Константиновны, и услышал её шёпот: «Нельзя же так, Пётр Степанович, у нас ещё нет технической экспертизы».

Дослушав ответ эксперта и следователя, майор выпрямился, и обведя взглядом приехавших с ним людей, приказал:

– Николай Николаевич и вы, лейтенант – займитесь опросом свидетелей.

Вы, Пётр Степанович, знаете свои обязанности, а вы, Надежда Константиновна, займитесь девушкой. Да, не забудьте захватить её реквизит.

– Товарищ майор, можно уже увозить её? – спросила эксперт, – машина уже здесь.

– Да, если вы закончили осмотр.

– Закончила. На первый взгляд, Алексей Викторович, несчастный случай.., – задумчиво произнесла она.

– А, вы чем займётесь, товарищ майор? – поинтересовался стажёр, лейтенант Витенька.

– Я? Я начну с беседы с директором цирка, а с остальными займётесь вы. Если понадобится моя помощь – зовите.

И повернувшись к артистам, обвёл оценивающим взглядом примолкших, смотревших на него с любопытством, и некоторой долей надежды, людей.

Никто не прятался за товарищей, и трусливо не отводил глаза в сторону.

Его взгляд задержался на среднего возраста мужчине в вечернем строгом костюме.

Увидев, что майор смотрит на него, мужчина покинул своих товарищей, и подойдя, чопорно представился: «Я директор цирка, Эдуард Вениаминович Ожегов». Затем, выдержав небольшую паузу, договорил: «Чем могу быть полезен?»

Кулагин, протягивая руку для приветствия, ещё раз, более внимательно, как-будто определяя, что за человек этот самый директор, заглянул ему в глаза:

Серьёзный мужик и, по-видимому, ответственный, сделал вывод майор. С ним можно говорить откровенно. Ну, что ж, попробуем.

– Эдуард...

– Вениаминович, – подсказал директор.

...Так, вот.., Эдуард Вениаминович, я майор, начальник оперативно-розыскного отдела следственного комитета – Кулагин Алексей Викторович, представился он, и показал служебное удостоверение. Подскажите, пожалуйста, где нам будет более удобно поговорить о произошедшей трагедии, и чтобы нам никто не помешал?

– Я думаю, в административном вагончике нам будет удобно. Там же и мой кабинет, = вежливо предложил директор, и показал рукой куда идти.

– Хорошо. Пойдёмте. Да, забыл попросить – пусть никто из ваших не покидает территорию цирка. Мои люди должны с ними поговорить.

– Не беспокойтесь, мы дома. А дом наш.., вот эти вагончики на колёсах, и никто не покинет их без моего разрешения. Да, собственно, и идти-то нам некуда.

– Спасибо! Буду вам очень благодарен, – тоже решил быть вежливым Кулагин, – но сначала покажите ваше «хозяйство». Например, где ваши артисты живут, переодеваются и.., как это.., гримируются. Мне также хотелось бы взглянуть.., где хранится, и как содержится спортивный инвентарь.

Это возможно?

– Конечно, я вам всё покажу. А, как быть с продолжением программы выступлений? – почему-то заволновавшись, спросил директор, – вы запретите?

– Нет, почему же. Работайте. Эксперт-криминалист закончила осмотр места происшествия... Работайте, повторил Кулагин. Мы вам мешать не будем. А когда понадобится.., мы вас поставим в известность. Искренне сочувствую вам по поводу смерти девушки. Жаль, такая молодая.., ей бы жить и жить ещё... Мы разберёмся, ещё раз пообещал он.

Глава вторая

...Николай Николаич, с какого начнём, продолжал разговор Витенька. Может с этого, показал он на расположенный рядом с ними трейлер?

– Нет уж, лейтенант, давай с первого в ряду и начнём, – не согласился с ним капитан, – легче не запутаться.

– Какая разница, – фыркнул стажёр, и даже плечами пожал, – что в лоб, что по лбу, одинаково.

– Ну, не скажи, малой. Порядок, он везде порядок, даже в Африке.

Ну, завёлся старый ворчун, пробормотал лейтенант, а сам ответил: «Как прикажете капитан», и направился к первому трейлеру в ряду.

Поднявшись на несколько ступенек приставного крыльца, он вдруг в раздумье остановился.

– Стучите, лейтенант, стучите, – шутливо поторопил его Николай Николаевич, – уж полночь настаёт.

– Бу-зде, кэп!

– Озорничаете, молодой человек. И когда вы только станете серьёзным? Стучите уже.

Но не успел лейтенант даже руку поднять, как изнутри вагончика, словно из глубины колодца, до них донеслось:

– Не стесняйтесь, входите.

Витюша хотел в ответ сказать: «А мы и не боимся, и не стесняемся!», но передумал, молча открыл дверь и переступил через порог.

В дальнем конце полувагончика на вошедших смотрел сидящий на приставном стульчике человек. Рыжий, с торчащими во все стороны волосами на голове, и конопушками на лице, их встретил... смеющийся клоун.

В этот момент капитану почему-то вспомнились слова из давно слышанной детской, шуточной песенки:

...Рыжий, рыжий, конопатый,
Убил дедушку лопатой.

А я дедушку не бил,
А я дедушку любил...

Непроизвольно его губы растянулись в улыбке, и лицо покрыла сеть мелких смеющихся морщинок.

Но, не прошло и мгновения, как с лицом клоуна произошла метаморфоза: из глаз двумя струйками потекли обильные слёзы, и он сказал: «Приветствую вас в юдоли слёз и одиночества».

Только Витенька хотел сказать, что не похож их вагончик на «Юдоль печали и одиночества», как вновь выражение лица клоуна изменилось – оно стало серьёзным, и он спросил: «Удалось мне напомнить вам детство?»

Вполне, ответил Николай Николаевич, но мы пришли поговорить не о детстве, а о погибшей девушке.

– Вы можете ответить на наши вопросы?

– Да. Задавайте. Присаживайтесь, пожалуйста, вон на тот сундук, – показал он на стоявший у стены ящик.

– Спасибо! Что ж, тогда начнём, – произнёс капитан.

Затем спросил у Витеньки: «Лейтенант, вы готовы вести протокол.., он чуть не сказал «Допроса», но вовремя сдержался, и сказал: «Записывайте нашу беседу, лейтенант».

* * *

...девушка она очень хорошая, я бы даже сказал чистая, продолжал рассказывать о Люсе рыжий клоун. Её в нашей труппе все называли «Светлячок». И она, действительно, была для нас именно такой – правдивая, весёлая, никогда не падающая духом, и в то же время очень работающая.

Даа.., не случись с ней того, что произошло, быть бы ей отличным воздушным гимнастом... Её имя было бы на первых полосах газет...

Анатолий Анатольевич, так попросил клоун называть себя в начале «беседы», задумавшись. Или что-то вспоминая, опустил голову.

Пауза затягивалась, и лейтенант, чтобы прервать её, спросил:

– Скажите, Анатолий Анатольевич, а были у Люси враги?

– Ну, что вы. Откуда. У такой безгрешной души не может быть врагов, даже в принципе.

– Спасибо вам за беседу, – поблагодарил капитан, и поднялся с неудобного ящика.

Уже спустившись с крыльца, он полусерьёзно спросил у Витеньки:

– Лейтенант, какие будут наши действия в дальнейшем?

– В дальнейшем? Я предлагаю посетить соседей Анатолия Анатольевича, Они же в другой половине вагончика живут, и показал на вторую дверь.

Но на его стук никто не ответил, и дверь так и осталась закрытой.

Ни-ко-го, констатировал он. Или их нет, или не хотят открывать.

– А ты постучи ещё раз, да посильней, может они не слышали? – посоветовал Николай Николаевич.

Лейтенант затарабанил по двери кулаком, но и на этот грохот никто не открыл дверь. Зато из двери соседнего вагончика выглянула смешливая мордашка юной девушки.

Молодой человек, произнесла она, не ломайте, пожалуйста, дверь. Их нет дома. Они изволят отсутствовать. Зайдите лучше к нам, мы вас и обогреем, и приласкаем.

Ах, молодость, молодость. И смерть им нипочём, проворчал капитан, и направился к открытой двери.

* * *

Их встретили четыре, смотревших с любопытством на вошедших мужчин, пары глаз.

И капитан, и лейтенант оказались, так им показалось, в кругу разноцветных экзотических бабочек, случайно залетевших в трейлер. Они даже попервоначально как-то растерялись от обилия красок и душистых запахов.

Первым вернулся из растерянного состояния к прозе жизни лейтенант Витя. Он улыбнулся, и так, с улыбкой на молодом лице, он, взяв «под козырёк» и представился: «Лейтенант Виктор Туманов. Кстати, оперативник, поэтому прошу любить и жаловать. А это мой старший коллега и наставник – капитан, Долженко Николай Николаевич».

Во даёт малёк, восхитился капитан! Но всё же решил немного урезонить распушившего хвост, словно петух перед курочками, лейтенанта, и вполголоса сказал: «Не мельтеши, лейтенант. Нечего попэрэд батьки в пэкло лизты!»

Затем, обращаясь ко всем сразу, сказал: «Девушки, у вас сегодня погибла, думаю, подруга. Нам бы хотелось поговорить о ней: что она за человек? Кто у неё друзья и товарищи? И есть ли у неё враги?»

Лица девушек сразу посерьёзнили, улыбки исчезли с лиц, и они, сначала одна, а затем и остальные заговорили.

Из их рассказа оперативники услышали почти точный пересказ характеристики, данный клоуном Толей.

Лишь одна из девушек, по имени Ольга, на вопрос о профессионализме Люси, не согласилась с общим мнением. Она, слегка скривив в язвительной улыбке губы, сказала: «Ничего она не отличная воздушная гимнастка. Есть и получше неё»

На прямой вопрос капитана: «Это кто-то из вас?», она промолчала. И оба оперативника, не сговариваясь, решили – чёрная зависть её гложет. Вот она и старается очернить соперницу.

Закончив «беседу» оперативники попрощались с девушками, и покинули их общество.

Лейтенант при прощании, пожимая кареглазой смуглянке руку, невольно вздохнул – эта смешливая девушка, пригласившая их для разговора, очень понравилась ему. И он, пока они разговаривали, почти не отрывал от неё восхищённого взгляда.

Уже стоя на последней ступеньке лестницы, он услышал, как его окликнули: «Товарищ лейтенант, можно с вами поговорить?»

Недалеко отошедший капитан, услышав её просьбу, усмехнулся, и посоветовал своему напарнику:

– Лейтенант, надолго не задерживайтесь, у нас ещё уйма работы.

* * *

Товарищ лейтенант, немного смущённо заговорила она, девчонки не всё вам рассказали. Я не сплетница, но вы должны кое-что знать. Возможно это поможет, а возможно и нет, раскрыть причину гибели Люсьен... Давайте отойдём подальше.

Шагая вслед за девушкой лейтенант удвоил внимание, но всё же..., в голове его замельтешили, слаще одна другой, мысли: вот он, мой звёздный час!

Он, всего лишь стажёр, скажет майор, но смог раскрыть такое сложное преступление. Молодец, скажет он при всех!

От этих мыслей у него чуть не закружилась голова, и поэтому он пропустил часть сказанных девушкой слов.

Кое-как избавившись от мыслей о себе, он стал более внимательно слушать о взаимоотношениях в группе воздушных гимнастов.

Девушка продолжала рассказывать:

– Понимаете, у нас образовался..., даже не любовный треугольник, а скорее всего – четырёхугольник...

– Как это? – удивился лейтенант. Разве такое бывает?

– Бывает, – последовал ответ. Вы не перебивайте меня, пожалуйста.

– Ладно, не буду. Честное пионерское!

...Так вот. Вася и Люся – звёздная пара! Так все думают и считают...

– А ты? – не сдержавшись, спросил Виктор.

...Яаа? Я..., тоже так считаю. И они, к тому же, любят друг друга, продолжила девушка. Вася, после травмы отца Люси, занял его место, и стал не только воздушным гимнастом, но и режиссёром-постановщиком группы.

– А, что случилось с её отцом? – опять вклинился в рассказ девушки Виктор.

– А то что, выполняя упражнение без страховки, он почему-то не смог поймать перекладину, и упал на арену. Естественно, сильно при этом расшибся и стал инвалидом. Может случайно..., а может напарник неправильно послал перекладину, но факт остаётся фактом.

И вот, после присланного и быстро улетучившегося режиссёра, им стал Вася.

– Как думаешь, это Вася постарался?

– Ну, что ты. Его тогда ещё не было с нами. Он позже появился, то ли перевёлся из другого цирка, то ли закончил профессиональную карьеру спортсмена. Не знаю.

– По-нят-но, – протянул Виктор. Продолжай дальше.

- Люся и Вася должны были вскорости пожениться, и вот...
 - И где же здесь намёк на то что случилось?
 - Дело в том, что Ольга имела серьёзные виды на Василия...
 - И что?
 - А её любит Сашка. Души в ней не чаёт. Совсем высох бедняга от любви.
 - Кто такой Сашка? – быстро спросил лейтенант.
 - А я разве не говорила о нём?
 - Нет.
 - Сашка... Ну..., это Александр Медведев... Он тоже в нашей группе.
 - И ты его любишь, – уточняя. продолжил за неё рассказ лейтенант.
 - Неет. Как вы могли даже подумать такое. Он..., он совершенно не в моём вкусе.
 - А какие в твоём вкусе? – заигрывая, спросил Витя.
 - Я пока не знаю..., – чуть зардевшись, ответила она. Я пока не думала об этом.
- Сказав так, она замолчала.

Интересно, интересно, прошептал Виктор, и неожиданно, словно его ударили обухом по голове, вспомнил – меня же ждёт Николай Николаевич! Вот чёрт! Совсем вылетело из головы.

Жаль, но придётся распрощаться с такой милой девушкой. Она, между прочим, красивая, и мне очень понравилась.

И он, тяжело вздохнув, и взяв её за руку, не нашёл ничего лучшего, чем спросить: «А другого..., чего-нибудь подозрительного не заметила?»

– Неет.

– Ну, что же, спасибо тебе за информацию. Она нам очень пригодится в расследовании. До свидания».

И, не оборачиваясь, быстро зашагал в сторону ушедшего капитана.

Девушка провожала его взглядом до тех пор. пока он не скрылся за одним из трейлеров. И взгляд её был задумчивым и печальным.

Глава третья

Майор немного задержался, и войдя в кабинет быстро окинул взглядом, словно проверяя все ли собрались, коллег.

– Я не вижу Надежды Константиновны! Она, что, опять опаздывает? – голос его, как всегда, был строг и требователен.

– Она звонила. Просила извинения за небольшое опоздание, – ответил за всех капитан. Она что-то нашла, и сейчас созванивается с одним профессором.

– Понятно. Тогда с вас и начнём Николай Николаевич. Что у вас по делу о цирке?

– Ничего нового, – ответил капитан. Мы с лейтенантом Тумановым опросили, выборочно конечно, около десятка артистов, и все как один утверждают, что никто злого умысла не имел, а лишь радовались за девушку.

– Вы, Пётр Степанович?

– Я поддерживаю вывод капитана. Я и после предварительного осмотра сразу сказал вам – это несчастный случай.

– Товарищ майор! Товарищ майор! – заволновался Витенька, – простите, но я не совсем согласен с выводом Николая Николаевича.

Присутствующие удивлённо воззрились на младшего по званию, посмеявшегося нарушить субординацию, ещё даже не состоящего в штате, стажёра.

Начальник отдела тоже недовольно поморщился, но всё же сказал: «Говорите, лейтенант!»

– Я считаю, товарищ майор, что в расследовании этого происшествия не всё мы проверили...

Говорил он торопливо, и почти проглатывая окончания слов. Он, боясь, что его прервут, не дадут до конца рассказать о своих сомнениях, торопился.

Я, в рапорте товарищу капитану, указал, что после разговора с одной из воздушных гимнасток, той, которая в одной группе с погибшей, услышал о любовном четырёхугольнике...

Майор сначала удивлённо посмотрел на Витеньку, затем спросил: «И, что?»

Следователь, как и в прошлый раз, скептически покачивая головой, произнёс: «Молодозелено».

...А то, продолжил стажёр. Там ревность присутствует, товарищ майор. Нам в университете говорили – ревность, это большая сила! Она может спровоцировать человека на необдуманный шаг... И тихо, почти шёпотом закончил – даже на подлость и... убийство.

Закончив свою пылкую речь, он перевёл дыхание, и сказал: " У меня всё товарищ майор».

В кабинете воцарилась тишина. Затем, опять же следователь, насмешливо резюмировал: «Смотрите-ка, яйца учат курицу зёрна клевать!»

Начальник отдела изучающе, словно оценивая, оглядел стажёра. Затем, медленно, словно про себя, произнёс: в словах лейтенанта есть что-то, заставившее меня не делать скоропалительных выводов.

Поэтому я решил – Пётр Степанович, поезжайте-ка вы снова в цирк и поговорите с той девушкой один на один. Вы человек опытный, не мне учить вас, как это сделать.

Теперь всё! За работу!

– Товарищ майор, – чуть ли не жалобно заговорил лейтенант, – разрешите мне сопровождать следователя.

– Вы поедете со мной!

В голосе майора прозвучали властные нотки, и лейтенант сообразил, не стоит повторной просьбой нарываться на неприятность. Обиженно скривив губы, ответил: «Есть, ехать с вами!», и последовал за капитаном и следователем.

* * *

Майор, складывая в папку какие-то служебные бумаги, задержался в кабинете. Словно дожидаясь, когда он останется один, прозвучал звонок служебного телефона.

Одной рукой застёгивая папку, майор, другой поднял трубку, и произнёс, «Слушаю. Кулагин».

На другом конце провода он услышал голос Надежды Константиновны:

– Алексей Викторович, я договорилась с заведующим лабораторией одного из наших заводов, опытным специалистом, о встрече. Он, по старой дружбе, пообещал помочь мне в проверке моей гипотезы...

– Не понимаю, зачем вы звоните мне? – недовольным тоном спросил Кулагин.

– Я хотела, чтобы вы поприсутствовали при проведении анализа...

– Какого ещё анализа? – поинтересовался майор.

– Я договорилась о встрече на одиннадцать часов. Заедете за мной, узнаете. Это касается цирка, – кратко досказала она, и положила трубку.

Майор это понял, когда ухо наполнилось короткими гудками отключённого телефона.

Пожав недоумённо плечами, он спросил у пустоты кабинета – какой анализ? О чём это она?

Но ответа не дождался, так как вновь, теперь уже требовательно, зазвонил телефон.

Схватив трубку, он недовольным голосом произнёс: «Я занят!», и бросил трубку. Но телефон, ещё более настойчиво и требовательно зазвонил.

Вспомнив всех чертей на свете, он схватил трубку и гаркнул: «Я же сказал – я занят!!!»

А трубка, голосом начальника управления, произнесла: «Майор, зайдите ко мне».

Виноват, товарищ полковник. Я не думал, что это вы звоните. Слушаюсь. Уже иду, и схватив папку с надписью «Для докладов» отправился к своему непосредственному начальнику.

* * *

Разрешите?

– Входи, Алексей Викторович.

Начальник следственного комитета, полковник Афанасьев, уважал майора за его принципиальность, ум, и умение «чувствовать» противника. В его «личном деле» ещё не было ни одного не раскрытого преступления.

Его не любили, а чаще, боялись: воры, уголовники, мелкие хулиганы, и прочая мразь, но, как и полковник, уважали за честность и неподкупность. И если он кому-то, что-то обещал, то выполнял своё обещание.

Полковник изучающе оглядел своего подчинённого.

– Майор, по-моему ты похудел малость. Так и питаешься бутербродами? – спросил он вошедшего. Всё ещё не нашёл себе подругу жизни?

– Некогда мне искать. Вы, товарищ полковник, всё добавляете и добавляете нашему отделу работы. Вот и крутимся белкой в колесе.

– Понятно... Но, ответь мне прямо, Алексей Викторович, ты хотя бы пытался?

– Пытался, да что толку: я же всё время на службе,. Кому такой муж нужен?

– Даа..., – согласился с ним начальник управления, – против правды не попрёшь... Но ты всё-таки выкрой время, и зайди к нам в гости, а то моя благоверная мне все уши прожужжала – когда же ты к нам заглянешь? Она хочет тебя накормить настоящим украинским борщом.

– Спасибо! Как-нибудь заскочу, – ответил майор.

И чтобы прекратить неприятный для себя разговор, спросил:

– Зачем вызвал, Игорь Дмитриевич? Или ещё где-то труп нашли?

– Задолбали меня эти трупы! Вот где они у меня? – полковник чиркнул ладонью по горлу. Ты специально хочешь испортить мне настроение, майор?

Так и без тебя есть кому. На меня с утра уже давят, он посмотрел на потолок, чтобы показать, кто на него давит – требуют результат по цирку. А где я им его возьму? Ты же молчишь!

Полковник всё более «накалялся». Голос его стал громовым. Таким голосом он делал «разносы» своим подчинённым сотрудникам.

Ты мне ответь, майор, когда будет результат по цирку?!

– Дайте нам ещё три дня, – попытался Кулагин перевести разговор из стадии «разноса» в рабочее русло.

– Три дня?! Да мне голову оторвут за такие слова! Звонили из прокуратуры, требовали результата. Напирали на то, что следователь якобы проболтался, что дело простое, там обыкновенный несчастный случай!

– Так вы дадите нам ещё три дня для окончательного решения? – повторил свою просьбу майор.

Хотя, если честно, он и сам не понял – зачем он попросил три дня. Дело же простое. Но выходка лейтенанта на оперативке, и в добавок, собственное чутьё, подсказывали, что дело не совсем такое простое, как кажется на первый взгляд. С ним ещё придётся повозиться.

– Майор, ты вывел меня из себя! Даю вам не более сорока восьми часов на завершение дела! Слышишь, не более сорока восьми часов!

И, если ты не принесёшь мне результат за это время – вылетишь из органов без выходного пособия! Понял?!

– Понял, товарищ полковник. Разрешите идти?

– Свободен.

И когда майор уже взялся за дверную ручку, полковник, всё ещё «кипя», сказал вдогонку: «Не больше сорока восьми часов, и ни минутой позже, майор!»

Возвращаясь к себе он вспомнил, что его ждёт эксперт-криминалист для какой-то поездки в институт, к какому-то профессору. Пришлось ускорить шаг – время поджимало.

На крыльце его ожидал лейтенант.

– Куда едем, товарищ майор?

А он-то что тут делает, подумал майор? И тут же, как говорится – не отходя от кассы, услышал.

– Вы приказали мне сопровождать вас, товарищ майор.

Вот идиотизм, честное слово, я совсем про него забыл, чертыхнулся майор. Я ж ему приказал ехать со мной к Свирской. Даа, после «разговора» с полковником не мудрено и забыть.

– Лейтенант, вызовите машину, – приказал он.

– Уже вызвал. Она ожидает вас вон там.

– Спасибо, лейтенант, – поблагодарил он подчинённого. Затем, решая брать, или не брать стажёра с собой, всё-таки решил – пусть едет.

– Пойдёмте, лейтенант, – сказал он, и направился к машине.

Глава четвёртая

Машина, среди таких же коробок на колёсах, или похожих на неё, быстро везла их по улицам города. По бокам проплывали, похожие на острова, кирпичные и бетонные, с отражающими лучи солнца витринами, здания.

По тротуарам хлопотливыми муравьями спешили куда-то пешеходы. Они иногда сталкивались между собой, а иногда и обгоняли друг друга. И всё спешили, спешили!

Правда, они иногда, словно перегороженная плотиной река, скапливались перед светофорами. Затем, прорвав светившуюся красным светом хрупкую запруду, растекались ручьями в разные стороны.

Свирская любила свой город – город-труженик. Она родилась в этом бурлящем жизнью городе. Здесь же закончила университет, и даже, чего греха таить, здесь же вышла замуж за своего однокурсника.

Но брак их продлился недолго – молодой муж оказался безвольным по жизни человеком. И она решила – лучше уж жить одной, чем ежедневно выслушивать нытьё мужа – «такого умного и способного», которого даже жена не ценит.

Живя с ним она увидела, он, при своём уме и способностях даже гвоздь в стену не может забить. Всё приходилось делать ей самой, своими слабыми, девичьими руками.

А после рождения их первенца, сына Мишутки, он вообще стал чаще бывать, и даже ночевать у своих родителей, чем у себя дома.

Вот и решила она, после трёхлетней надежды, что муж наконец-то возьмётся за ум, и поняв, что никогда не дожётся этого, подать на развод.

Первое время ей было тяжело одной воспитывать ребёнка, но она, как говорится, «крутилась». Когда её сыну исполнилось десять, она поняла, как не хватает в доме твёрдой мужской руки и авторитета отца для него.

Как раз в это время у них в управлении появился следователь, Новак Пётр Степанович. Он принялся настойчиво за ней ухаживать: дарил цветы, угощал конфетами, приглашал её в театр и ресторан.

Хлебнув жизни одинокой женщины, она сдалась.

И лишь потом, примерно через год, она узнала – он женат, и у него есть двое детей. А она-то, дурочка, всё никак не могла понять, почему он находит сотни причин, чтобы тянуть время, и не закреплять их отношения браком.

Потом она немного привыкла к своему положению. Она поняла – для него она просто любовница, и почти смирилась со своей ролью.

Но тут появился он! И она, как последняя дурочка, безумно влюбилась в него. А он совершенно не обращал на неё внимания. Это немного обижало её – ведь она красивая женщина, а он проходит мимо, лишь слегка поклонившись и равнодушно произнеся «Здравствуйте!».

А сейчас он сидит впереди неё и молчит. Интересно, о чём он думает? Ах, если бы он думал о ней. Она бы многое отдала, лишь бы узнать его мысли. Но это не дано ни ей, ни любому другому человеку на земле. Жаль. Очень жаль.

Её мечты прервал прозвучавший в микроавтобусе голос. Его голос. Такой холодно-равнодушный голос, что на мгновение ей даже показалось, что её окунули в ледяную воду – «Вы уснули, что ли?

Она, придя в себя, ответила этому голосу: «Уже иду», и поднялась с сидения.

* * *

Заведующий лабораторией. встретил пришедших улыбкой, а женщине даже поцеловал руку.

– Заходите, – сказал он, и приглашающе повёл рукой в сторону открытой двери.

Лаборатория располагалась в третьем этаже административного корпуса, и была прекрасно оборудована.

Не то что моя, подумала Надежда Константиновна, когда увидела новенькие приборы и оборудование, но не подала виду.

Григорий Георгиевич, заговорила она, познакомьтесь с нашим начальником ОРО. и лейтенантом Тумановым.

Заведующий смущённо «захлопал» глазами.

– А что это за ОРО и с чем его едят?

– Эта аббревиатура расшифровывается очень просто, – вступил в разговор майор, – я начальник оперативно-розыскного отдела Следственного Комитета, Кулагин Алексей Викторович, будем знакомы.

– А ты, Наденька, ведь не сказала, с какими гостями хочешь познакомить меня... Я что-то совершил противозаконное, спросил он?

– Нет, Григорий Георгиевич, не беспокойтесь об этом Я, честно признаться, воспользовалась случаем, и привела к вам начальника ОРО специально. Я хотела показать ему вашу лабораторию, настоящую лабораторию, какой она должна быть.

Но не только это. Я принесла, как и договаривались, для анализа вот эту вещичку.

Она достала из сумочки обыкновенный «карабин» для строп, и подала Григорию Георгиевичу.

Он повертел его в руках, оглядел со всех сторон и, произнеся «Я сейчас», направился к одному из стоящих на специальной тумбе, приборов.

Кулагин с любопытством посмотрел на стоящую рядом с ним женщину. Его взгляд был строг и требователен.

– Откуда у Вас этот карабин? Кажется он сломан?

– Товарищ майор, я вам всё объясню по возвращению в отдел. А сейчас потерпите. Я не могла вам раньше рассказать, так как сама ещё не уверена в своих выводах. Нужен спектральный анализ. Давайте дождёмся его.

Не менее получаса им пришлось ждать результата, и всё это время они простояли молчаливой группой.

Тишину лаборатории нарушал лишь чуть слышный зуммер каких-то приборов, да тихий разговор лаборантов и заведующего лабораторией.

Затем, проверка «карабина» по-видимому закончилась, так как Григорий Георгиевич сел за стол, и принялся заполнять какой-то бланк.

Наконец-то, вздохнул, словно освобождаясь от непомерной тяжести, майор. Всё-таки тяжело выдержать ожидание неизвестно чего, подумал майор. Легче обезвредить злостного рецидивиста, чем...

Закончить свою мысль ему не удалось. К ним подошёл завлаб., и подавая исписанный бланк, сказал:

– Надя, ты была права. Твоё предположение подтвердили данные анализа. Ты молодец!

Надежда Константиновна как-то смущённо улыбнулась и, беря документ, ответила:

– Спасибо тебе Гриша! Я рада за тебя. У вас такая прекрасная лаборатория. Я даже тебе завидую немного.

– Так в чём дело, Надя? Переходи ко мне в лабораторию. Я тебя с удовольствием назначу своим замом.

– Спасибо за приглашение, но я уж привыкла к своим «апартаментам», и пока менять их не собираюсь.

Подавая руку для прощания, она ещё раз сказала: «Спасибо, Гриша».

Кулагин и Витенька тоже попрощались, и трое милиционеров покинули завод.

Майор уже взялся было за ручку двери в свой кабинет, но неожиданно остановившись, сказал:

– Лейтенант, пригласите на оперативку Николая Николаевича и следователя!

– Но.., где я их буду...

– Вы хотите сказать, где будете искать? Так я вам подскажу – скорее всего в столовой.

Он посмотрел на наручные часы, и продолжил:

– Сейчас время обеда, но всё же пригласите. Сроки поджимают.

Приложив ладонь к козырьку фуражки и сказав «Есть!», лейтенант круто развернулся на месте, и пошёл выполнять приказ, а майор и эксперт вошли в кабинет.

Майор, показав на стул у приставного стола, произнёс: «Прошу садиться». Затем, дождался, когда начальник экспертно-аналитической лаборатории расположится за столом, жёстко произнёс:

– Вы, товарищ капитан, нарушили сразу несколько инструкций! Во-первых – вы изъяли предполагаемое вещественное доказательство без понятых и свидетелей! Во-вторых – эта экспертиза незаконна по простой причине: она произведена в сторонней организации, и без соответственно оформленного «направления»!.. В-третьих...

– Не повышайте на меня голос, и перестаньте меня отчитывать! – прервала майора эксперт. Я вам что, студентка-первокурсница? Я всё сделала по инструкции: нашла вещь, пригласила понятых, составила акт, и даже, представьте себе, сняла отпечатки пальцев. Вот соответствующие бумаги!

Голос её прерывался от возмущения и обиды на несправедливые обвинения. Из глаз готовы были пролиться слёзы, но она сдержалась. Достав из сумочки платочек, она промокнула глаза.

– Простите меня, – извиняющимся голосом произнёс майор – я же не знал.

– Так вы сначала разберитесь, а потом уж устраивайте «выволочку»!

– Я же попросил у вас прощения, – сказал майор и, подойдя сзади к сидящей женщине, положил ей руки на плечи.

Она, неожиданно притихнув, в неосознанном ожидании поцелуя отклонила голову назад.

Майор, совершенно не поняв её намёка, повернулся, чтобы отойти. Но в это время открылась дверь, и вошёл следователь.

Увидев майора и эксперта в не совсем удобном положении, он прошептал: «Ох, простите». И сразу же, озлившись, спросил: «Я вам не помешал?»

В его голосе чувствовались, и ревность мужчины, и смущение, и ещё какие-то эмоции, которых майор не понял. Поэтому он удивлённо спросил:

– Что с вами, Пётр Степанович? Или вам что-то показалось?

– Ннеет, но...

– Мы обсуждаем с Надеждой, Константиновной новые, недавно открывшиеся обстоятельства смерти гимнастки. Так что, берите стул и присаживайтесь.

Как только подойдут остальные, я вам, вернее, Надежда Константиновна, обо всём доложит.

Говоря эти слова, майор старался понять, что так шокировало, или насторожило следователя. Почему он внезапно так изменился в лице? И почему он спросил, не помешал ли он нам?

Эти, и другие, неожиданные мысли заставили его искоса взглянуть на женщину. Её лицо, с приходом следователя, почему-то пошло красными пятнами, но он сказал себе: «Это от раздражения на меня», и постарался выкинуть их из головы.

В это время вновь открылась дверь – вошли капитан и стажёр.

Так, все в сборе, произнёс он, усаживаясь на своё место и, посмотрев на эксперта, сказал: «Надежда Константиновна, вам слово».

Когда она закончила рассказывать о своей находке и поездке в заводскую лабораторию, Витенька, радостно воскликнул:

– Вот здорово! Теперь дело пойдёт!

Капитан, молча слушая доклад эксперта, толкнул лейтенанта в бок и вполголоса произнёс:

– Помолчи! Дай закончить человеку.

А у меня всё, сказала Надежда Константиновна. Решение за начальником отдела, и посмотрела на Кулагина.

Слышали все, что сказала эксперт, спросил майор у повернувших головы в его сторону сотрудников? И поднявшись с кресла, договорил: «Прошу высказывать свои мнения».

Капитан, словно раздумывая, помял по привычке мочку уха, и пробормотал: «А чего тут говорить – надо ехать в цирк, и снова всех собирать».

Это ж, как я понимаю, у всех придётся брать отпечатки пальцев, проговорил следователь...

Да, придётся снова ехать в цирк, собирать людей, брать у них отпечатки пальцев, потом сравнивать их с «пальчиками» снятыми с карабина, и так далее, не дал ему договорить майор.

Он принял решение ещё до высказываний своих товарищей. Он знал, они сначала поворчат для проформы, но сделают всё так, как положено. Они, чего греха таить, всё-таки хорошо знают своё дело – специалисты высокого класса!

Он, чтобы они поняли важность его слов, выдержал небольшую паузу, а затем, чуть повысив голос, сказал:

– По сему, приказываю: «Вам, Пётр Степанович, и вам, Николай Николаевич, немедленно отправиться в цирк и взять у всех сотрудников – я имею ввиду не только артистов, но и рабочих, и детей с восьмилетнего возраста – отпечатки пальцев!

Вам, Надежда Константиновна, сделать сравнительный анализ отпечатков...

– Но это же огромный объём работы, – эксперт резко отклонила от стола, и даже развела руки, – я одна не справлюсь!

– Вам поможет лейтенант. А я, уж простите, пойду докладывать начальству.

На этом всё, товарищи. Приступайте немедленно.

* * *

Свирская, в белом медицинском халате, и такого же цвета шапочке, сидела за столом в лаборатории. Рядом, приставив стул, примостился лейтенант Витенька.

Оба они с напряжённым вниманием следили за проскакивающими на экране десятками и сотнями отпечатков пальцев

Это новое оборудование она получила совсем недавно благодаря своему напору и пробивному характеру. Её частые напоминания начальнику управления, и даже звонок в Республиканское управление достигли цели. И вот теперь она и лейтенант ждали окончания очередного результата – совпадёт, или не совпадёт?

Раньше, до получения этого прибора, ей приходилось делать сравнительный анализ визуально. Она, по имеющимся в картотеке её лаборатории и архива снятым на бланки отпечаткам, скрупулёзно, через микроскоп, сравнивала только-что снятые, или принесённые отпечатки. Это была кропотливая и долгая работа. К тому же сильно уставали глаза.

А сейчас? Сейчас всю работу выполняет машина! Вставил в лоток бланк с отпечатком, а уж машина сама сравнит отпечатки с заложенным в неё архивом. Красота! Не надо напрягать зрение, да и ошибок умная машина не делает.

Её так захватили воспоминания, что она чуть не пропустила звонок – машина, остановив бег иллюстраций, сообщала о совпадении рисунков на «пальчиках».

А лейтенант, увидев совпадение, чуть ли не в полный голос закричал: «Надежда Константиновна, Надежда Константиновна, есть результат!»

Лейтенант, чего вы кричите, я не глухая и не слепая, машина знает своё дело, недовольным голосом произнесла эксперт.

Сейчас взглянем, что она нам выдала? Ага, прекрасно, продолжила она, посмотрев на оба рисунка опытным взглядом.

Да, вы правы лейтенант, полное совпадение, через несколько секунд сказала она. Итак, кто это у нас?

Она поднялась со стула и подошла к принтеру: из его чрева неспешно выползал лист бумаги с отпечатанным анализом проверяемых рисунков.

Вот видите, лейтенант, идентификация рисунков показывает, эксперт подала лист стажёру – это...

Не может быть! Этого не может быть, прошептал Витенька прочитав фамилию!.. Неужели она...

Не делайте поспешных выводов, лейтенант, успокаивающе произнесла Надежда Константиновна. Совпадение ещё не говорит о её причастности к смерти Люси.., надо разбираться.

Мало ли, как её отпечатки оказались на железке Она могла её просто держать в руках рассматривая, или ещё по какой причине. Короче, не торопитесь с выводами лейтенант.

Понял, Надежда Константиновна, понял, ответил Витенька, и лицо его покрылось лёгким румянцем.

Смотри-ка ты, усмехнулась в душе эксперт, заметив его смущение, он ещё не разучился краснеть. Ах молодость, молодость... Где мои семнадцать лет, с грустью подумала она?

Так я побежал докладывать Кулагину, полуспросил, полуутвердительно произнёс Витенька, и повернулся чтобы покинуть лабораторию.

Не торопитесь лейтенант докладывать начальству, у нас ещё несколько не проверенных отпечатков, осадил его служебный зуд эксперт. Давайте проверим остальные. И прошептала: «Ах молодо-зелено. Всё куда-то торопятся...»

Витенька то-ли расслышал, что прошептала Надежда Константиновна, то-ли догадался, но, остановившись у двери, сказал: «Вы не настолько и старше меня, Надежда Константиновна. Вы такая красавица!»

Не льстите мне лейтенант, но всё равно спасибо. А через небольшую паузу сказала: «Давайте продолжим», и вновь нажала кнопку дактилоскопа.

Через небольшой промежуток времени прибор вновь зафиксировал совпадение отпечатков пальцев.

Надежда Константиновна, неужели и этот участвовал в..? Он почему-то постеснялся назвать вещи своими именами, но эксперт поняла его.

Я повторю вам, лейтенант, то, что сказала раньше – не торопитесь делать выводы, сначала поговорите с людьми.., разберитесь...

– Я понял. Но теперь можно идти?

– Конечно, лейтенант.

Когда за Витенькой закрылась дверь, Надежда Константиновна с лёгкой завистью прошептала: «Столько энергии в мальчике, столько энергии», и тихий вздох вырвался из её груди.

Глава пятая

Лейтенант, шагая через ступеньку, быстро поднимался в третий этаж. Он торопился сообщить новость своему непосредственному начальнику.

Ворвавшись в кабинет он разочарованно остановился – Кулагин отсутствовал! Следователя и капитана тоже не было на месте.

Вероятно майора вызвал начальник управления, а Пётр Степанович с Ник-Ником умчались по своим делам, решил лейтенант. Пожав плечами, словно говоря – «На – нет, и суда нет», прошёл к своему столу, и поднял трубку телефона.

Набрав номер и прижав трубку к уху, он принялся молчаливо считать раздававшиеся в трубке гудки вызова. На счёте шесть женский, такой знакомый и родной голос, сказал: «Я слушаю вас».

– Светка, это я Витя, – скороговоркой зашептал лейтенант, и непроизвольно лицо его расплылось в счастливой улыбке. Ты сегодня свободна? А то мы можем пойти погулять в парк, или куда ты хочешь.

В ответ трубка ответила: «Витюша, я бы рада с тобой пойти куда угодно, но...

При произнесении Светкой «но» лейтенант затаил дыхание боясь услышать что-то уж совсем неприятное для себя. И услышал: «Но.. понимаешь, у меня сессия на носу. Не могу милый. Ты уж прости меня».

Витя с шумом выпустил воздух из груди, и ответил: «А я то губы раскатал. Надеюсь на встречу с тобой. Жаль, очень жаль. И со вздохом добавил: Я же люблю тебя и скучаю. А может всё же встретимся.., хотя бы на часок, а?»

– Витька, не соблазняй! Мне и самой хочется, но ты ж понимаешь..

– Понимаю, – с грустной ноткой ответил он, – но...

– Витька, потерпи чуток. Сдам сессию – тысячу раз поцелую. Обещаю.

– А тысячу пять слабо?

– Ох и жук же ты мой милый. Ладно, уговорил.

Из трубки послышался лёгкий Светкин смешок. А затем трубка, Светкиным голосом, сказала: «Ложи трубку, не отвлекай меня от постижения знаний».

– Ага, не отвлекай. А я, значит, страдай, и умирай от любви. И даже без ласки.., – чуть обидевшись произнёс Витька.

– Милый, не обижайся. Я, действительно, зашиваюсь. Так что, пока. Целую тысячу и один раз...

– Ты же обещала тысячу пять.

– Остальные четыре при встрече, согласен?

И она положила трубку.

Лейтенант понял это по раздавшимся прямо в ухо коротким гудкам.

– Опять служебный телефон эксплуатируете в своих корыстных целях, лейтенант, – донеслось от двери?

– Да я всего на минутку, – смутился стажёр, – честное слово товарищ.., – он обернулся к двери, а увидев вошедшего, договорил – капитан.

– Что, новую подружку завёл? – строгим голосом опять спросил Николай Николаевич, – смотри, Светке расскажу о твоих амурах.

– Ну, что вы, товарищ капитан, это ж я сейчас с ней разговаривал, – стал оправдываться лейтенант.

– Смотри у меня, – голос капитана стал ещё строже, – будешь кобелиться, так я всё ей расскажу.

Капитан говорил с лейтенантом напускным начальственным голосом, а у самого глаза смеялись.

Он знал из рассказа самого Витеньки о всепоглощающей, так и сказал он, о всепоглощающей любви к девушке.

А «строжился» он не потому, что не верил лейтенанту, а так, для профилактики.

Во время их разговора вновь раскрылась дверь кабинета, и вошли майор и следователь.

– Что, бездельники, опять болтаете в рабочее время? Заняться нечем? – голос майора был сух и строг.

– Никак нет, товарищ майор, – отдавая честь, ответил Витенька, – я только что от капитана, из лаборатории, и подал Акт экспертизы.

– Так, так..., – пробегая глазами документ, произнёс майор., – Я почему-то так и думал. И он ещё раз, но более внимательно прочитал Акт.

– Что ж, пришло время заканчивать операцию...

Он так и сказал: операцию, а не расследование.

...по задержанию циркачей.

Присаживайтесь, товарищи офицеры. Пока не пришла Надежда Константиновна, ознакомьтесь с Актом.

Произнося эти слова, он, одновременно, набирал номер телефона лаборатории. А когда ответили, он сказал:

– Надежда Константиновна, поднимитесь, пожалуйста ко мне. Необходимо Ваше присутствие.

По-видимому на другом конце провода ответили согласием, потому что майор добавил: «Ждём», и положил трубку на рычаг.

Не прошло и пяти-шести минут ожидания, как открылась дверь и вошёл начальник управления, полковник Афанасьев.

* * *

Встать! Смирно! – скомандовал майор, а в ответ офицеры услышали: «Вольно. Садитесь».

Не успели офицеры занять свои места, вновь открылась дверь. На этот раз в кабинет вошла Надежда Константиновна, и со словами «Прошу простить за задержку», направилась к остальным офицерам.

– Разрешите начать оперативку? – спросил у полковника Кулагин, и получив разрешение, начал совещание отдела.

– Товарищи офицеры, вы ознакомились с Актом проверки на совпадение отпечатков пальцев. Из него следует: по крайней мере двое артистов цирка прямо или косвенно замешаны в том, что случилось с девушкой.

Поэтому наша задача состоит в том, чтобы конкретно, я повторяю, конкретно узнать, кто виновен, и доказать его вину. Одного Акта недостаточно – нужно полное признание вины. Лишь только в этом случае совесть наша будет чиста.

Да, у нас есть ещё Акт технической экспертизы, произведённой независимой лабораторией при одном из наших заводов. Спасибо за это нашей уважаемой Надежде Константиновне.

Итак, почти всё у нас готово для проведения окончательных следственных действий и допроса подозреваемых.

У меня всё по этому делу. У кого есть вопросы?

Он обвёл взглядом присутствующих. Ни у кого вопросов не было.

Тогда вот вам задание:

Николай Николаевич и лейтенант – берите служебную машину и доставьте на допрос Ольгу Стоянову и Николая Зарайского. Только, пожалуйста, без лишнего шума и, желательно по отдельности.

А мы с Петром Степановичем, обратил он свой взгляд на следователя, займёмся подготовкой к допросу.

Задание понятно?

Офицеры, соглашаясь, закивали головами. Только Николай Николаевич тихим голосом спросил: «Как мы доставим подозреваемых по-отдельности, если вы даёте только одну машину?»

– Возьмёте мою, – подал голос полковник, – я распоряжусь.

– Спасибо, товарищ полковник, теперь у меня всё, – сказал Ник-Ник, и в сопровождении лейтенанта Витеньки покинул кабинет.

Вслед за ними вышли и следователь с экспертом.

Когда в кабинете остались начальник Управления и майор, полковник спросил:

– Как думаешь, Алексей Викторович, ты не ошибся? Это именно они?

– Да. Экспертиза точно показала, что это они приложили руку к гибели девочки. Только вот, кто непосредственный исполнитель, а кто соучастник, узнаем в процессе допроса.

– Ты не забыл майор о сроках? – голос полковника стал более строгим. Не забудь – с меня спросят там, а я спрошу с тебя здесь. Мне ближе, не забывай об этом.

– Я помню, товарищ полковник. Мы постараемся не подвести вас.

– То-то, – сказал полковник, – ты уж постарайся Алексей Викторович.

Напутствовав подчинённого словами «любви и дружбы», он покинул кабинет.

Не успела за ним закрыться дверь, вошёл следователь.

– Сильно разгневан владыка на нас сирых? – спросил он.

– Нормально, Пётр Степанович. Давайте лучше продумаем и согласуем процесс допроса.

Кулагин разложил документы на столе, и взяв ручку, стал составлять, боясь упустить любую мелочь, свой план.

Глава шестая

Свирская вышла на крыльцо городского управления и непроизвольно остановилась – в лицо ударил порыв холодного ветра.

Зябко поёжившись от охватившей всё тело прохлады, она посмотрела вверх – по небу неслись тяжёлые, тёмного цвета, тучи.

Вот и осень предъявила свои права, с какой-то внутренней горечью подумала она. Осень окончательно набирает силу, готовя к зиме всё живое и неживое на земле...

В голову, не спрашивая её согласия, влезли какие-то, похожие на стихотворные строчки, слова:

«Осенний ветер
С деревьев листья сбросив,
Покрыв золотым ковром
Тротуары и дворы.
Мальчишки и девчонки,
Игры летние забросив,
К зиме готовят санки и коньки.

И почему мне так в жизни не везёт, продолжала она разматывать клубок грустных мыслей. Или это осень на меня так подействовала?

Может меня родители назвали этим именем в предчувствии сложностей в моей жизни? Как же – живи дочь надеждой о лучшей жизни..., жди и надейся.

А я сейчас хочу жить нормальной человеческой жизнью. Я хочу сейчас иметь «нормальное бабье счастье»

Её мысли прервала подошедшая женщина. Свирская сразу узнала её – жена Самохвалова. Что ей от меня надо, недовольно подумала она?

Женщина, схватив её за отвороты плаща и тряся, зашипела прямо в лицо: «Сучка, отстань от моего мужа! Зачем ты разрушаешь нашу семью? Найди себе неженатого и крути перед ним хвостом, а моего отдай!»

Надежда вначале опешила от такой открытой злобы, и не знала, как отреагировать на оскорбление при людях. Но потом, придя в себя, прошептала: «Я не отбивала у тебя мужа. Надо было сильнее любить его, а не только тянуть с него зарплату. Тогда он бы не стал искать любви на стороне. А вообще, не нужен он мне. Можете забрать».

Сказав так, она растерянно замолчала.

А женщина, выплеснув на неё злобу, быстрым шагом пошла прочь.

Смотря ей вслед, Надежда спохватившись, подумала, что я наделала? Зачем предложила забрать Петю? Я то..., опять одна..? А вдруг Алексей так и не примет моей любви?

И горькие слёзы наполнили её глаза. Сморкаясь и промокая платочком, чтобы не размазать тушь, глаза, она медленно направилась на остановку автобуса.

Не сделав и пятидесяти шагов, она услышала частые, короткие сигналы автомобиля.

Испуганно оглянувшись, она узнала красную «копейку» Самохвалова. А он уже открыл дверку, и приглашающе кричал: «Надя, садись! Я тебя подвезу!»

Не надо Петя, отказалась она, а вспомнив разговор с его женой, и смешав обиду со злостью, грубо сказала: «Ты лучше жену свою подвези!»

Самохвалов вылез из машины, и подойдя к Наде, взял её за рукав плаща.

– В чём дело, Надя? Я тебя чем-то обидел? – заинтересованно спросил он.

– Нет, не обидел. Но нам лучше больше не встречаться.

И, словно бросившись в омут, сказала: «Петя, я тебя больше не люблю!».

– Что случилось Надя? Ты сегодня не в духе, как я понимаю? Давай встретимся завтра и поговорим... Ты успокоишься, приведёшь мысли в порядок, а тогда и поговорим. Лады?

Он потянулся к ней чтобы поцеловать, но она отшатнулась, и прошептала: «Прощай Петя, навсегда. Я же сказала, мы больше никогда не будем встречаться. Слышишь, ни-ког-да, повторила она по слогам. Иди к своей жене и детям. Они любят тебя. И развернувшись, направилась назад, в Управление.

Самохвалов остался стоять, и растерянная улыбка непонимания легла на его лицо. Он даже прошептал: «Не пойму, какая оса её укусила? Ведь всё же было так хорошо...»

А через мгновение, озлобившись на ускользящую из рук любовницу, крикнул вдогонку: «Ты ещё пожалеешь, что ушла от меня! Ты ещё приползёшь на коленях ко мне, а я ещё подумаю, прощать тебя или нет!»

И вдруг хлопнул себя по лбу – это всё Кулагин виноват! Как я сразу не догадался?

* * *

Надя, пройдя по вестибюлю к лестнице, ведущей в нулевой этаж, где располагалась её лаборатория, неожиданно столкнулась с Кулагиным. По-видимому, он задержался по каким-то своим делам, решила она, и спросила:

– Алексей Викторович, по делам задержались?

– Да, знаете, вы правы, дел накопилось..., вагон и маленькая тележка. А вы какими судьбами, да ещё и на ночь глядя, поинтересовался он.

Она как-то не подумала, зачем возвращается в лабораторию, и поэтому, не зная что ответить, сказала первое, что пришло ей на ум:

– Забыла косметичку на столе... Вот пришлось вернуться.

Даа, косметика для женщины – главное, сказал он, и искорки смеха заплясали в его глазах.

Точно, с улыбкой подтвердила она.

Надежда Константиновна, я еду в ту же сторону, что и ваш дом, я могу вас подбросить.

Надя растерялась – ей совершенно не нужно было забирать косметичку, но и признаться в этом Кулагину она не могла. Вот дилемма, подумала она, когда ещё мне представится возможность побыть наедине с любимым, и поэтому, чуть покраснев, произнесла: «Да ладно, бог с ней, с этой косметичкой. Никуда она не денется до завтра, правда, товарищ майор?»

Смотрите, вам виднее, ответил Кулагин.

И опять Надя увидела весёлых чёртиков в его глазах.

Что ж, раз решили не возвращаться, тем более, что это плохая примета, пойдёмте, сказал майор, и зашегал к выходу.

Надя, еле поспевая за ним, всё же спросила: «Алексей Викторович, как там наши подозреваемые? Привезли?»

Да, всё в порядке. Завтра начнём допрос.

– А почему сегодня не начали, – полюбопытствовала Свирская.

– Не хотели срывать график выступлений, – ответил майор- это по просьбе директора цирка и самих артистов.

– По-нят-но, – протянула Надежда Константиновна.

Глава седьмая

После стука, в открывшуюся дверь кабинета заглянул сержант-конвоир.

– Разрешите вводить?

– Да. Вводите, – ответил майор, и убрал со стола лишние бумаги

В сопровождении всё того же сержанта вошёл Зарайский.

– Присаживайтесь, – показал на стул у стола Кулагин, – мы пригласили Вас, чтобы уточнить некоторые события предшествующие гибели гимнастки Казимировой, – начал разговор майор.

– Странно, пригласили на разговор, а продержали ночь в камере, – не согласился с майором Зарайский.

– Но вы же сами попросили не отменять сегодняшнее ваше выступление, – пожал плечами Кулагин. Мы пошли вам навстречу. Поэтому пришлось доставить вас глубокой ночью, не так ли? К тому же, вы устали после выступления, и мы тоже не из железа. Вот и пришлось дать вам возможность немного отдохнуть... Согласны?

– Оно конечно так, но всё же..., я предпочёл бы отдыхать в своём трейлере..., – уже не так уверенно ответил артист.

– Вот мы и договорились, – подытожил предварительный разговор майор. Итак, приступим?

– Давайте. Задавайте ваши вопросы.

– Вы не будете против, если при нашей беседе будет присутствовать лейтенант Проскуряков? Он же будет вести протокол нашей беседы. – Значит, не будете! – дождавшись соглашающего кивка головой, сказал майор. Вот и ладненько.

– Товарищ..., или я уже должен называть вас гражданин майор? Не угостите папироской?

– Извините, но ни я, ни лейтенант не курим. Придётся потерпеть. И если вы будете честно и быстро отвечать на наши вопросы, то мы быстро закончим эту процедуру.

– Ладно, чего уж там, потерплю, – согласился Зарайский.

– Итак. Назовите ваши: фамилию, имя, отчество. Возраст, и занимаемую должность.

– Зарайский Николай Иванович. Двадцати семи лет. Вольтижёр.

– Прекрасно. Если и дальше так пойдёт, мы быстро закончим, – подбодрил сидящего перед ним человека, майор.

А теперь объясните нам, зачем вы изготовили бракованный стропочный карабин, и подменили им титановый, которым пользовалась Казимирова?

Голос майора с каждым произнесённым словом становился все жёстче и грознее.

Быстро отвечать!

– Я! Я! Я не подменял, – залепетал артист, – я вообще не понимаю, о чём вы спрашиваете.

– Так-таки и не понимаете? А вот экспертиза говорит обратное. Посмотрите на этот Акт. Видите? Здесь ясно сказано – обнаруженные отпечатки пальцев принадлежат Зарайскому Николаю Ивановичу. Посмотрите, посмотрите, – сказал майор, и подал бланк подозреваемому.

А когда тот, вдруг задрожавшей рукой взял бланк и прочитал, лицо его посерело.

– Но..., но..., я не виноват в гибели Люсьен. Я не знаю, как карабин мог попасть к ней в... «сбрую». Я..., я...

С трудом выговорив слова, он замолчал.

– Перестаньте вилять, Зарайский. Два года назад вы работали в паре с Люсьен Казимировой, и у вас были на неё определённые планы. И вы, конечно, затаили обиду, когда она от вас ушла, не так ли? Вот вы и подменили карабин.

– Кто, яаа? Да вы что, товарищ майор. Как вам могло прийти такое в голову? Мне конечно было обидно, что она ушла – я столько труда вложил, чтобы сделать из неё настоящую наезд-

ницу, но ей больше нравилась воздушная гимнастика. И она оказалась права. Она нашла своё место, выбрав профессию гимнастки... Нет, потом обида у меня прошла. К тому же я не злопамятен...

Он некоторое время молчал, словно вспоминая былые выступления с Люсьен. Потом, на что-то решившись, тихо проговорил: «Меня попросили...»

– Кто вас попросил? Назовите имя! Да говорите же! Иначе пойдёте как соучастник этого преступления! Вы сядете в тюрьму лет на восемь. Тогда прощай жена, дети. Прощай всё то, о чём вы мечтали...

Зарайский продолжал молчать. Он только поводил налитыми кровью глазами по сторонам, тяжело вздыхал, и молчал.

– Зарайский, нет смысла скрывать имя того, кто вас попросил изготовить карабин. Вы сядете, и надолго сядете, а он будет наслаждаться жизнью и посмеиваться над вами, – продолжал настаивать Кулагин.

Он прекрасно понял – Зарайский был пешкой в чьей-то жестокой игре. Им попросту воспользовались для достижения своей цели. Но, кто? Надо всё же заставить его назвать имя подельника, подумал майор. Без его признания расследование будет неполным.

– Зарайский, не молчите. Мне жаль вас. Вами воспользовались, и подставили. Грязно подставили.

– Я не могу. Я люблю её, – упавшим голосом прошептал Вольтижёр.

– А она вас любит? Она вас предала! Разве может любящий человек предать? Не может! А она вас походя предала. Предала ни за грош! И вы её ещё защищаете...

Вы спрашивали у неё – любит ли она вас?

– Спрашивал, – прошептал Зарайский.

– И, что? Она сказала, что тоже вас любит?

– Ннеет. Но она и не отказывалась от моей любви.

– Так на что же вы надеетесь, тем более теперь, когда вас грубо толкают в тюрьму и ничего не давая взамен?

Зарайский тяжело вздохнул.

– Пишите, – произнёс он совсем упавшим голосом.

* * *

Совсем по-другому шёл разговор в допросной комнате у следователя Самохвалова.

Перед ним сидела молодая девушка, достаточно красивая, чтобы проходящие по улице мужчины, оборачивались и, смотря ей вслед, причмокивали губами.

Зная о своей внешней неотразимости, она упивалась жадными взглядами мужчин, но вела себя скромно, ничем не выдавая своей любвеобильной натуры.

И сейчас, она сидела вся такая скромная, опустив очи долу, и тихим голоском отвечала на задаваемые вопросы.

Стоявший за стеклом Витенька удивлялся умению перевоплощаться этой девушкой. Артистка – шептал он. Ни дать, ни взять ангел божий.

И такое коварство, насмешливо произнёс Николай Николаевич.

Да уж, подтвердила Надежда Константиновна. Запомни лейтенант, не всегда под красивой внешностью можно найти красивые, чистые мысли. Под ней иногда скрывается такая грязь, что не приведи Господь.

– Я понял Гуру. Но разрешите мне остаться и послушать процесс проведения допроса.

– Оставайся вьюнош, оставайся. А мы с экспертом пойдём по своим делам, так Надежда Константиновна? – ответил Николай Николаевич.

– Действительно, пошли. Я это видела много раз, – сказала она, и направилась к двери.

* * *

В «предбаннике» допросной остались двое: конвоир, у дверей «аквариума», и лейтенант, перед огромным бронированным стеклом, через которое хорошо просматривалось всё происходящее внутри «аквариума».

Лейтенант, за свою недолгую службу в органах милиции, уже несколько раз присутствовал на проводимых допросах. Он хотел поучиться у опытных коллег правилам их проведения.

А сегодня ему было вдвойне любопытно – как такая девушка, совсем ещё молоденькая, умудрилась совершить такое тяжкое преступление. Почему она на это пошла? Какая, совсем уж безвыходная ситуация, заставила покуситься на жизнь своего товарища, а может даже подруги?

Витенька стоял за стеклом, слушая доносившиеся из динамика голоса следователя и допрашиваемой. И, одновременно, внимательно наблюдал за реакцией девушки на задаваемые вопросы.

По всему было видно – она очень волновалась: лицо её, то бледнело при очередном вопросе, то, вдруг, покрывалось красными пятнами. Она постоянно тербила в руках носовой платочек, и нет-нет да прикладывала его к глазам и губам.

Витеньке было бесконечно жаль её – такую молодую и красивую, ещё не успевшую пожить и познать жизнь.

Своим неразумным поступком она, считай, погубила две жизни – свою и Люсьен Казимировой... Бедная девушка, непроизвольно вздохнул он. И вынужден был признаться самому себе – она очень понравилась ему при той встрече у трейлера. Очень!

* * *

...Значит, вы подтверждаете, что ваша фамилия Мезенцева, а имя и отчество – Маргарита Яковлевна. И вам полных восемнадцать лет. Так?

Да, – тихим голосом ответила она.

– Вы являетесь артисткой московского цирка «Шапито», и работаете воздушной гимнасткой в группе Василия Кузнецова?

Она утвердительно кивнула головой.

– Не слышу. Вы должны отвечать на задаваемые мной вопросы «Да» или «Нет», поняли?

– Да.

– Как вы додумались до..., – следователь немного помолчал, словно подбирая слова, – до убийства подруги..., или вам кто-то подсказал? – задал следователь очередной вопрос.

– Никто мне не подсказывал. Я как-то сама..., придумала, – прошептала Рита.

– Мезенцева, повторяю – отвечайте на вопросы громко и чётко. Ваши ответы не слышит диктофон. Понятно?

– Да.

– Хорошо, продолжим. Расскажите всё по порядку: что, как, где? Сделайте так, чтобы я не вытягивал из вас слова.

Докажите, что вы раскаиваетесь в содеянном. Облегчите душу. Вам же легче станет. Поняли меня?

Тем более – у нас имеются все доказательства вашей причастности к убийству... Вот Акт экспертизы, который говорит – отпечатки ваших и вашего напарника пальчиков совпадают с отпечатками на, так скажем, орудии убийства.

Девушка опять, не произнеся ни слова, кивнула головой.

Стоявший за стеклом лейтенант догадался – она еле-еле удерживает себя от готовых политься ручьём слёз, и разразиться громкими рыданиями.

Глупенькая, опять прошептал Витенька, что же ты натворила?

Высморкавшись, и вытерев глаза платочком, Рита, сначала медленно и тихо, а затем более уверенно, приступила к рассказу:

Я полюбила Васю с первого же дня его появления в нашем цирке. Я всё делала для того, чтобы он «заметил» меня. Я из кожи вон лезла, но пришла к нам в группу Люська, и сразу же приворожила его к себе. Я оказалась в стороне.

Моя любовь была безгранична, возможно немного сумасшедшей, но я ничего не могла с собой поделать.

Вот тогда-то и родилась у меня мысль убрать соперницу.

Но как? Я же была молода и совершенно неопытна в таких делах. Но мне помог случай. Возможно, если бы не он, то Люська была бы жива, а я... покончила бы с собой. Однако всё произошло так, как произошло.

После одного из очередных концертов ко мне подошёл Николай Зарайский.., он, кажется, сейчас у вас. Так вот:

Он признался мне в любви! Вначале его признания я опешила, потом мне стало неприятно, а он всё говорил и говорил. Говорил, что давно без ума от меня, и готов сделать всё что угодно, лишь бы я ответила на его любовь.

Слушая его признание, и обещание сделать для меня всё что пожелаю, у меня начал зарождаться план – коварный план.

Вы знаете, отвергнутая женщина в своей мести может пойти на что угодно. А я была отвергнута, и хотела убрать со своей дороги соперницу...

– Вы считаете, что убийство соперницы помогло бы вам вернуть любимого? – задал вопрос следователь.

– Не знаю... Тогда я об этом не задумывалась. Я думала, что убрав Люську, я смогу добиться ответного чувства, – сказала Рита, и продолжила:

...Я притворилась, что у меня тоже есть «чувства» к Зарайскому, и закрутила, понарошку конечно, с ним любовь.

Он стал совсем ручным. Если бы я сказала ему – «Умри!», он бы не раздумывая умер.

По своей любви к Василию я знала на какие подвиги способен влюблённый – на плохие или хорошие – без разницы. Всё зависит от внутреннего содержания человека.

Ну, вероятно у меня плохое «содержание».

Подделать «карабин» моя идея! Я попросила Зарайского сделать фальшивый карабин: у него на одном из заводов оказался чуть ли не друг детства...

– Вы видели его, или может встречали когда-нибудь? – быстро спросил следователь.

– Нет.

– Может слышали его имя от Зарайского? – задал вопрос следователь.

И опять последовал отрицательный ответ.

– Жаль, – произнёс следователь, – очень жаль. А то бы эти сведения намного облегчили вашу участь.

И вновь повторил: «Очень жаль». Что ж «На нет, и суда нет». Но продолжайте.

– Я попросила Зарайского, чтобы он, через своего друга, сделал для меня карабин – точь в точь похожий на настоящий.

– А он, я имею ввиду Зарайского, разве не поинтересовался, для чего вам такая вещь? – спросил следователь. – Я бы обязательно спросил.

– Он спросил. Но я ему сказала – он будет у меня как талисман.

– Продолжайте.

– Перед последним, для Люськи, выступлением, я поменяла карабины.., – последние слова Маргарита произнесла чуть слышно.

– А потом? – поторопил её следователь.

– Потом... Потом.., в суматохе случившегося, Зарайский, я так думаю, заменил сломанный карабин на исправный, а поддельный куда-то выбросил. Только я не знаю куда.

– А почему вы считаете, что это сделал Зарайский?

Маргарита пожалала плечами, затем, уже совершенно спокойным, каким-то отрешённым голосом, сказала: «Только он мог догадаться о причине падения гимнастки. Только он.., я думаю, давно догадывался о моей ненависти к ней, и догадался для чего я попросила сделать фальшивку.

– Это всё, о чём вы хотели рассказать? – спросил следователь.

– Да. Это всё.

Следователь нажал кнопку вызова конвоира.

* * *

Ознакомившись с актом допроса Мезенцевой, майор понял, Зарайский не всё рассказал о своём участии в гибели Казимировой. Кое-что он скрыл.

Поэтому пришлось вновь пригласить его на допрос, но теперь они сидели не в его кабинете, а в допросной комнате.

Смотря на него изучающим, и каким-то немного критическим взглядом, он пытался понять, что движет этим, любящим, как он утверждает, человеком – действительно любовь, или страх перед наказанием? А Зарайский, отвечая на его вопросы, уже не пытался называть майора «товарищ», он называл его «гражданин».

Что это? Уж не подспудное ли признание своей вины, или просто растерянность от того, что попал в новую обстановку?

Майор задал очередной вопрос:

– Скажите, Зарайский, вы действительно не понимали зачем Мезенцевой фальшивый карабин?

– Я уже отвечал на этот вопрос. Да, вначале я не знал, даже не догадывался для чего ей этот карабин. Потом до меня дошло.

– И почему вы не, скажем так, не отговорили её от преступления?

– Я же говорил – я боялся её потерять.

Даа, боялся,.. боялся.., медленно, с расстановками произнёс майор. Затем, как дуплетом из ружья, смотря в глаза запутавшемуся в любви парню, «выстрелил», «А зачем вы подменили карабин и выбросили его в мусорный бак?»

– Яаа?

– А кто же? Мезенцева призналась, что...

Майор специально выдержал паузу, чтобы Зарайский сам закончил за него предложение.

И он, действительно, не выдержал.

– Да, гражданин майор! Да! Это я! Это я заменил сломанный карабинчик на исправный! – почти кричал он. Да, это я отнёс его в мусор!

И понизив голос почти на половину, договорил: «Я подумал тогда, что спасу её от тюрьмы».

Сказав это, он, обхватив голову руками, простонал: «Господи.., что же я наделал?»

Майор, смотря на Зарайского, подумал – жалко парня... Вот к чему может привести коварная любовь. А как её сразу распознаешь? Она может одеваться в разные одежды, и принимать разные обличья.

У него вырвалось жалостливое «Эхх. Вот она жизнь...»

Затем, уже обращаясь к Зарайскому, сказал:

– Скажу банальность, но всё же скажу: «На ошибках, Зарайский, как говорится. учатся. Придётся тебе посидеть в тюрьме. Но ты не падай духом, постарайся честным трудом доказать,

что ты не совсем пропащий человек. А с любовью.., кто не ошибается...? Постарайся, если это возможно, выбирать девушку...

Господи. Да, что я могу посоветовать парню, если я сам не женат? – оборвал он себя.

– Ладно, Зарайский, идите.

А вошедшему конвоиру, приказал: «Можете уводить!»

Глава восьмая

...Подведём итоги, товарищи, заговорил майор, и обвёл присутствующих взглядом. Вы, в общем, хорошо поработали. Правда, были небольшие огрехи, но у кого их не бывает? Я и сам, при расследовании «Дела об артистах», однажды выразил недоверие Надежде Константиновне.

Он перевёл взгляд на сидевшую за столом эксперта. Надеюсь, она простит меня, добавил он, и наклонил голову.

Затем, всё также опираясь руками на стол и выпрямившись, продолжил:

– Артисты, люди не только интеллектуального труда – они, он помолчал подбирая слова, они более слабохарактерные, что ли, не то что закоренелые преступники. Но и среди их братии иногда встречаются очень «крепкие орешки», но не в данном случае.

При раскрытии убийства Люсьен Казимировой нам «повезло», если можно так сказать – преступление совершено неопытными людьми. А подтолкнула их совершить убийство любовь.

Я не могу и, в общем-то, не хочу быть судьёй в этом деле, но, думаю, они учтут это обстоятельство при вынесении приговора.

Честно говоря, мне искренне жаль этих, запутавшихся в сложных любовных отношениях, молодых людей...

Это всё, что я хотел сказать.

А теперь вопрос по службе – от лица начальника управления благодарю за успешно, и в короткий срок, раскрытое преступление. Также он даёт нам, всем без исключения, выходной на сутки.

Поздравляю вас, коллеги!

Апрель 1976 года

Новое дело

...Опять на выезд, нахлобучивая фуражку и брюзжа, пробормотал Николай Николаевич... Ни днём, ни ночью покоя нет... Так мы скоро вместо районных оперов разгребать грязь станем, а они только зарплату получать будут. Вы не замечаете, обратился он к коллегам – мы становимся как этот.., да оперетта есть такая.., вроде.., он на мгновение замолчал, а потом сказал – Фигаро, кажется. Там мужик всё поёт: «Фигаро там. Фигаро здесь...».

– Николай Николаевич, это вовсе не оперетта, а комедия, опера-буфф, написанная Моцартом на либретто.., господи дай памяти... Ну, в общем, каким-то итальянцем по пьесе, это я точно помню – Бомарше.

– Тебе, Пётр Степанович, виднее, – ответил капитан, – ты же у нас известный театрал, не то что мы, сирые, – и с подковыркой спросил; «Ты сколько раз оперу посещал?»

– Яаа? – смешался Самохвалов, и медленно ответил – один раз... В Москве.., проездом. А, что?

Не дождавшись ответа, продолжил:

...Ну-да, ну-да... А придя в себя заговорил:

– Между прочим, вы тоже могли бы хоть раз послушать – стоящая вещь!

– Это, где же? – вступил в полемику Витенька. У нас в городе, между прочим, оперных театров нет, и как я слышал – не предвидится.

– Всё не обязательно в театре, – огрызнулся следователь, – можно и по радио послушать.

– Нет уж. Увольте. Оперетту я ещё как-то могу перенести, а вот оперу..., – капитан, натягивая плащ, отрицательно покачал головой: Я её как услышу, так меня сразу в сон кидает.

Поют и поют. Вместо нормального человеческого разговора – поют. Идут – опять поют. Это кошмар какой-то.

– Отсталый вы человек какой-то, Николай Николаевич. Приземлённый, – заканчивая разговор, произнёс следователь, и открыл дверь.

На улице их уже ждал «Рафик». Пока они рассаживались, успел подойти майор.

– Эксперт здесь? – садясь на переднее сидение, спросил Кулагин.

– Нет, – за всех ответил стажёр.

– Странно. Она, вообще-то, никогда не опаздывает..., – произнёс майор, – ну, что ж, больше ждать не будем, пусть сама добирается. – Василий Петрович, поехали, – через минуту сказал он водителю.

– Слушаюсь, товарищ майор! – ответил он и включил сирену.

– Да выключи ты её, – недовольно произнёс майор, – не на пожар едем, а труп не так не убежит.

* * *

У входа в подъезд пятиэтажки стоял служебный «УАЗик» и машина «Скорой помощи», а у раскрытых дверей, куря сигарету, переминался с ноги на ногу знакомый майору участковый инспектор.

– Здорово, Сергеич, – поздоровался майор, – приедет эксперт, так ты проводи её наверх.

– Здравия желаю, товарищ майор. Так эксперт уже на месте, и не одна, – козырнул участковый.

– Не одна? – удивился майор.

– Так это..., с ней какая-то девушка, – подсказал участковый.

– Ну, ладно, разберёмся, – уже скрываясь в подъезде, произнёс майор, и направился вверх по лестнице.

Действительно, Надежда Константиновна уже «колдовала над трупом». Рядом с ней, тоже присев на корточки, разглядывала покойника какая-то девушка, и они о чём-то тихо переговаривались.

При появлении майора в сопровождении следователя и капитана с лейтенантом, она поднялась, и просто, совсем по девчоночьи представилась: «Младший лейтенант Володина Светлана, эксперт-стажёр».

– Светка, ты что ли? – воскликнул Витенька, увидев здесь свою подружку.

– Лейтенант, чем жениться, лучше пойдите и найдите свидетелей! – резко оборвал его майор.

– Свидетели уже здесь, – выглянул из другой комнаты незнакомый старший лейтенант. Я опер из Ульбинского РОВД, – сказал он. Это к нам позвонила соседка по квартире, учуяв трупный запах. И вот ещё что – это её муж, тихо добавил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.